

Франсуа де Ларошфуко. Максимумы и моральные размышления

 Перевод Э.Л. Линецкой
 Francois de La Rochefoucauld
 Memoires. Reflexions ou sentences et maximes morales
 Франсуа де Ларошфуко
 Мемуары. Максимумы
 Издание подготовили: А.С. Бобович, Э.Л. Линецкая, М.В. Разумовская,
 Н.Я. Рыкова
 Серия "Литературные памятники"
 М., "Наука", 1993
 OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

(к первому изданию 1665 г.)

Я представляю на суд читателей это изображение человеческого сердца, носящее название "Максимумы и моральные размышления". Оно, может статься, не всем понравится, ибо кое-кто, вероятно, сочтет, что в нем слишком много сходства с оригиналом и слишком мало лести. Есть основания предполагать, что художник не обнаружил бы своего творения и оно по сей день пребывало бы в стенах его кабинета, если бы из рук в руки не передавалась искаженная копия рукописи; недавно она добралась до Голландии, что и побудило одного из друзей автора вручить мне другую копию, по его уверению, вполне соответствующую подлиннику. Но как бы верна она ни была, ей вряд ли удастся избежать порицания иных людей, раздраженных тем, что кто-то проник в глубины их сердца: они сами не желают его познать, поэтому считают себя вправе воспретить познание и другим. Бесспорно, эти "Размышления" полны такого рода истинами, с которыми неспособна примириться человеческая гордыня, и мало надежд на то, что они не возбудят ее вражды, не навлекут нападков хулителей. Поэтому я и помещаю здесь письмо, {1} написанное и переданное мне сразу после того, как рукопись стала известна и каждый тшилсь высказать свое мнение о ней. Письмо это с достаточной, ни мой взгляд, убедительностью отвечает на главные возражения, могущие возникнуть по поводу "Максимум", и объясняет мысли автора: оно неопровержимо доказывает, что эти "Максимумы" - всего-навсего краткое изложение учения о нравственности, во всем согласного с мыслями некоторых Отцов Церкви, что их автор и впрямь не мог заблуждаться, сверившись столь испытанным вожатым, и что он не совершил ничего предосудительного, когда в своих рассуждениях о человеке лишь повторил некогда ими сказанное. Но даже если уважение, которое мы обязаны к ним питать, не усмирит недоброхотов и они не постесняются вынести обвинительный приговор этой книге и одновременно - воззрениям святых мужей, я прошу читателя не подражать им, подавить разумом первый порыв сердца и, обуздав по мере сил себялюбие, не допустить его вмешательства в суждение о "Максимумах", ибо, прислушавшись к нему, читатель, без сомнения, отнесется к ним неблагоприятно: поскольку они доказывают, что себялюбие растлевает разум, оно не преминет восстановить против них этот самый разум. Пусть читатель помнит, что предубеждение против "Максимум" как раз и подтверждает их, пусть проникнется сознанием, что чем запальчивее и хитроумнее он с ними спорит. Тем непреложнее доказывает их правоту. Поистине трудно будет убедить любого здравомыслящего человека, что зоилами этой книги владеют чувства иные, нежели тайное своекорыстие, гордость и себялюбие. Короче говоря, читатель избрет благую участь, если заранее твердо решит про себя, что ни одна из указанных максимумов не относится к нему в частности, что, хотя они как будто затрагивают всех без исключения, он - тот единственный, к кому они не имеют никакого касательства. И тогда, ручаясь, он не только с готовностью подпишется под ними, но даже подумает, что они слишком снисходительны к человеческому сердцу. Вот что я хотел сказать о содержании книги. Если же кто-нибудь обратит внимание на метод ее составления, то должен отметить, что, на мой взгляд, каждую максимуму нужно было бы озаглавить по предмету, в ней трактованному, и что расположить их следовало бы в большем порядке. Но я не мог этого сделать, не нарушив общего строения врученной мне рукописи; а так как порою один и тот же предмет упоминается в нескольких максимумах, то люди, к которым я обратился за советом, рассудили, что всего правильнее будет составить Указатель {2} для тех читателей, которым придет охота прочесть подряд все размышления на одну тему.

МАКСИМУМЫ

Наши добродетели - это чаще всего искусно переряженные пороки.

То, что мы принимаем за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков, искусно подобранных судьбой или нашей собственной хитростью; так, например, порою женщины бывают целомудренны, а мужчины - доблестны совсем не потому, что им действительно свойственны целомудрие и доблесть.

2

Ни один льстец не льстит так искусно, как себялюбие.

3

Сколько ни сделано открытий в стране себялюбия, там еще осталось вдоволь неисследованных земель.

4

Ни один хитрец не сравнится в хитрости с самолюбием.

5

Долговечность наших страстей не более зависит от нас, чем долговечность жизни.

6

Страсть часто превращает умного человека в глупца, но не менее часто наделяет дураков умами.

7

Великие исторические деяния, ослепляющие нас своим блеском и толкуемые политиками как следствие великих замыслов, чаще всего являются плодом игры прихотей и страстей. Так, война между Августом и Антонием, которую объясняют их честолюбивым желанием властвовать над миром, была, возможно, вызвана просто-напросто ревностью.

8

Страсти - это единственные ораторы, доводы которых всегда убедительны; их искусство рождено как бы самой природой и зиждется на непреложных законах. Поэтому человек бесхитростный, но увлеченный страстью, может убедить скорее, чем красноречивый, но равнодушный.

9

Страстям присущи такая несправедливость и такое своекорыстие, что доверять им опасно и следует их остерегаться даже тогда, когда они кажутся вполне разумными.

10

В человеческом сердце происходит непрерывная смена страстей, и угасание одной из них почти всегда означает торжество другой.

11

Наши страсти часто являются порождением других страстей, прямо им противоположных: скупость порой ведет к расточительности, а расточительность - к скупости; люди нередко стойки по слабости характера и отважны из трусости.

12

Как бы мы ни старались скрыть наши страсти под личиной благочестия и добродетели, они всегда проглядывают сквозь этот покров.

13

Наше самолюбие больше страдает, когда порицают наши вкусы, чем когда осуждают наши взгляды.

14

Люди не только забывают благодарения и обиды, но даже склонны ненавидеть своих благодетелей и прощать обидчиков. Необходимость отблагодарить за добро и отомстить за зло кажется им рабством, которому они не желают покоряться.

15

Милосердие сильных мира сего чаще всего лишь хитрая политика, цель которой - завоевать любовь народа.

16

Хотя все считают милосердие добродетелью, оно порождено иногда тщеславием, нередко ленью, часто страхом, а почти всегда - и тем, и другим, и третьим.

17

Умеренность счастливых людей проистекает из спокойствия, даруемого неизменной удачей.

18

Умеренность - это боязнь зависти или презрения, которые становятся уделом всякого, кто ослеплен своим счастьем; это суетное хвастовство мощью ума; наконец, умеренность людей, достигших вершин удачи, - это желание казаться выше своей судьбы.

19

У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего.

20

Невозмутимость мудрецов - это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца.

21

Невозмутимость, которую проявляют порой осужденные на казнь, равно как и презрение к смерти, говорит лишь о боязни взглянуть ей прямо в глаза; следовательно, можно сказать, что то и другое для их разума - все равно что

повязка для их глаз.

22

Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией.

23

Немногим людям дано постичь, что такое смерть; в большинстве случаев на нее идут не по обдуманному намерению, а по глупости и по заведенному обычаю, и люди чаще всего умирают потому, что не могут воспротивиться смерти.

24

Когда великие люди наконец сгибаются под тяжестью длительных невзгод, они этим показывают, что прежде их поддерживала не столько сила духа, сколько сила честолюбия, и что герои отличаются от обыкновенных людей только большим тщеславием.

25

Достойно вести себя, когда судьба благоприятствует, труднее, чем когда она враждебна.

26

Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.

27

Люди часто хвалятся самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться.

28

Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковым, между тем как зависть слепо негодует на то, что какое-то достояние есть и у наших ближних.

29

Зло, которое мы причиняем, навлекает на нас меньше ненависти и преследований, чем наши достоинства.

30

Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели; на самом же деле мы не бессильны, а безвольны.

31

Не будь у нас недостатков, нам было бы не так приятно подмечать их у ближних.

32

Ревность питается сомнениями; она умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность.

33

Гордость всегда возмещает свои убытки и ничего не теряет, даже когда, отказывается от тщеславия.

34

Если бы нас не одолевала гордость, мы не жаловались бы на гордость других.

35

Гордость свойственна всем людям; разница лишь в том, как и когда они ее проявляют.

36

Природа, в заботе о нашем счастье, не только разумно устроила органы нашего тела, но еще подарила нам гордость, - видимо, для того, чтобы избавить нас от печального сознания нашего несовершенства.

37

Не доброта, а гордость обычно побуждает нас читать наставления людям, совершившим проступки; мы укоряем их не столько для того, чтобы исправить, сколько для того, чтобы убедить в нашей собственной непогрешимости.

38

Мы обещаем соразмерно нашим расчетам, а выполняем обещанное соразмерно нашим опасениям. {1}

39

Своекорыстие говорит на всех языках и разыгрывает любые роли - даже роль бескорыстия.

40

Одних своекорыстие ослепляет, другим открывает глаза.

41

Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому. {2}

42

У нас не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка.

43

Человеку нередко кажется, что он владеет собой, тогда как на самом деле что-то владеет им; пока разумом он стремится к одной цели, сердце незаметно увлекает его к другой.

44

Сила и слабость духа - это просто неправильные выражения: в действительности же существует лишь хорошее или плохое состояние органов тела.

45

Наши прихоти куда причудливее прихотей судьбы.

46

В привязанности или равнодушии философов {3} к жизни сказывались особенности их себялюбия, которые так же нельзя оспаривать, как особенности вкуса, как склонность к какому-нибудь блюду или цветку.

47

Все, что посылает нам судьба, мы оцениваем в зависимости от расположения духа.

48

Нам дарует радость не то, что нас окружает, а наше отношение к окружающему, и мы бываем счастливы, обладая тем, что любим, а не тем, что другие считают достойным любви.

49

Человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому.

50

Люди, верящие в свои достоинства, считают долгом быть несчастными, дабы убедить таким образом и других и себя в том, что судьба еще не воздала им по заслугам.

51

Что может быть сокрушительнее для нашего самодовольства, чем ясное понимание того, что сегодня мы порицаем вещи, которые еще вчера одобряли.

52

Хотя судьбы людей очень несхожи, но некоторое равновесие в распределении благ и несчастий как бы уравнивает их между собой.

53

Какими бы преимуществами природа ни наделила человека, создать из него героя она может, лишь призвав на помощь судьбу.

54

Презрение философов к богатству было вызвано их сокровенным желанием отомстить несправедливой судьбе за то, что она не наградила их по достоинствам жизненными благами; оно было тайным средством, спасающим от унижений бедности, и окольным путем к почету, обычно доставляемому богатством.

55

Ненависть к людям, попавшим в милость, вызвана жадой этой самой милости. Досада на ее отсутствие смягчается и умиротворяется презрением ко всем, кто ею пользуется; мы отказываем им в уважении, ибо не можем отнять того, что привлекает к ним уважение всех окружающих.

56

Чтобы упрочить свое положение в свете, люди старательно делают вид что оно уже упрочено. {4}

57

Как бы ни кичились люди величием своих деяний, последние часто бывают следствием не великих замыслов, а простой случайности.

58

Наши поступки словно бы рождаются под счастливой или несчастной звездой; ей они и обязаны большей частью похвал или порицаний, выпадающих на их долю.

59

Не бывает обстоятельств столь несчастных, чтобы умный человек не мог извлечь из них какую-нибудь выгоду, но не бывает и столь счастливых, чтобы безрассудный не мог обратить их против себя.

60

Судьба все устраивает к выгоде тех, кому она покровительствует.

61

Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как от судьбы.

62

Искренность - это чистосердечие. Мало кто обладает этим качеством, и то, что мы принимаем за него, чаще всего просто тонкое притворство, цель которого - добиться откровенности окружающих.

63

За отвращением ко лжи нередко кроется затаенное желание придать вес нашим утверждениям и внушить благоговейное доверие к нашим словам.

64

Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость.

65

Каких только похвал не возносят благоразумию! Однако оно не способно уберечь нас даже от ничтожнейших превратностей судьбы.

66

Дальновидный человек должен определить место для каждого из своих желаний и затем осуществлять их по порядку. Наша жадность часто нарушает этот порядок и заставляет нас преследовать одновременно такое множество целей, что в погоне за пустяками мы упускаем существенное.

67

Изящество для тела - это то же, что здравый смысл для ума.

68

Трудно дать определение любви; о ней можно лишь сказать, что для души - это жажда властвовать, для ума - внутреннее сродство, а для тела - скрытое и утонченное желание обладать, после многих околичностей, тем, что любишь.

69

Чиста и свободна от влияния других страстей только та любовь, которая таится в глубине нашего сердца и неведома нам самим.

70

Никакое притворство не поможет долго скрывать любовь, когда она есть, или изображать - когда ее нет

71

Нет таких людей, которые, перестав любить, не начали бы стыдиться прошедшей любви.

72

Если судить о любви по обычным ее проявлениям, она больше похожа на

вражду, чем на дружбу.

73

На свете немало таких женщин, у которых в жизни не было ни одной любовной связи, но очень мало таких, у которых была только одна.

74

Любовь одна, но подделок под нее - тысячи.

75

Любовь, подобно огню, не знает покоя: она перестает жить, как только перестает надеяться или бояться.

76

Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел.

77

Любовь прикрывает своим именем самые разнообразные человеческие отношения, будто бы связанные с нею, хотя на самом деле она участвует в них не более, чем дождь в событиях, происходящих в Венеции.

78

У большинства людей любовь к справедливости - это просто боязнь подвергнуться несправедливости.

79

Тому, кто не доверяет себе, разумнее всего молчать.

80

Мы потому так непостоянны в дружбе, что трудно познать свойства души человека и легко познать свойства его ума.

81

Мы способны любить только то, без чего не можем обойтись; таким образом, жертвуя собственными интересами ради друзей, мы просто следуем своим вкусам и склонностям. Однако именно эти жертвы делают дружбу подлинной и совершенной.

82

Примирение с врагами говорит лишь об усталости от борьбы, о боязни поражения и о желании занять более выгодную позицию. {5}

83

Люди обычно называют дружбой совместное времяпрепровождение, взаимную помощь в делах, обмен услугами - одним словом, такие отношения, где себялюбие надеется что-нибудь выгадать.

84

Не доверять друзьям позорнее, чем быть ими обманутым.

85

Мы часто убеждаем себя в том, что действительно любим людей, стоящих над нами; между тем такая дружба вызвана одним лишь своекорыстием: мы сближаемся с этими людьми не ради того, что хотели бы им дать, а ради того, что хотели бы от них получить.

86

Своим недоверием мы оправдываем чужой обман.

87

Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос.

88

Самолюбие увеличивает или умаляет добродетели наших друзей в зависимости от того, насколько мы довольны этими людьми: об их достоинствах мы судим по их отношению к нам.

89

Все жалуется на свою память, но никто не жалуется на свой разум.

90

В повседневной жизни наши недостатки кажутся порою более привлекательными, чем наши достоинства.

91

Самое большое честолюбие прячется и становится незаметным, как только его притязания наталкиваются на непреодолимые преграды.

92

Вывести из заблуждения человека, убежденного в собственных достоинствах, значит оказать ему такую же дурную услугу, какую некогда оказали тому афинскому безумцу, который считал себя владельцем всех кораблей, прибывающих в гавань.

93

Старики потому так любят давать хорошие советы, что уже не способны

подавать дурные примеры.

94

Громкое имя не возвеличивает, а лишь унижает того, кто не умеет носить его с честью.

95

Поистине необычайными достоинствами обладает тот, кто сумел заслужить похвалу своих завистников.

96

Неблагодарность остается неблагодарностью даже и в том случае, когда благодетельствованный повинен в ней меньше, чем благодетель.

97

Неправ, тот, кто считает, будто ум и пронизательность - различные качества. Пронизательность - это просто особенная ясность ума, благодаря которой он добирается до сути вещей, отмечает все, достойное внимания, и видит невидимое другим. Таким образом, все, приписываемое пронизательности, является лишь следствием необычайной ясности ума.

98

Все расхваливают свою доброту, но никто не решается похвалить свой ум.

99

Учтивость ума заключается в способности думать достойно и утонченно.

100

Изысканность ума сказывается в умении тонко льстить.

101

Порою в нашем уме рождаются мысли в форме уже такой отточенной, какую он никогда не смог бы придать им, сколько бы ни ухищрялся.

102

Ум всегда в дураках у сердца.

103

Не всякий человек, познавший глубины своего ума, познал глубины своего сердца.

104

На каждого человека, как и на каждый поступок, следует смотреть с определенного расстояния. Иных можно понять, рассматривая их вблизи, другие же становятся понятными только издали. {6}

105

Умен не тот, кого случай делает умным, а тот, кто понимает, что такое ум, умеет его распознать и любит его.

106

Чтобы постичь окружающий нас мир, нужно знать его во всех подробностях, а так как этих подробностей почти бесчисленное множество, то и знания наши всегда поверхностны и несовершенны.

107

Люди кокетничают, когда делают вид, будто им чуждо всякое кокетство.

108

Уму не под силу долго разыгрывать роль сердца.

109

Юность меняет свои вкусы из-за пылкости чувств, а старость сохраняет их неизменными по привычке.

110

Мы ничего не раздаем с такой щедростью, как советы.

111

Чем сильнее мы любим женщину, тем больше склонны ее ненавидеть.

112

К старости недостатки ума становятся все заметнее, как и недостатки внешности.

113

Бывают удачные браки, но не бывает браков упоительных.

114

Люди безутешны, когда их обманывают враги или предают друзья, но они нередко испытывают удовольствие, когда обманывают или предают себя сами.

115

Так же легко обмануть себя и не заметить этого, как трудно обмануть другого и не быть изобличенным.

116

Сколько лицемерия в людском обычае советоваться! Тот, кто просит совета, делает вид, что относится к мнению своего друга с почтительным вниманием, хотя в действительности ему нужно лишь, чтобы кто-то одобрил его поступки и взял на себя ответственность за них. Тот же, кто дает советы, притворяется, будто платит за оказанное доверие пылкой и бескорыстной жадой услужить, тогда как на самом деле обычно рассчитывает извлечь таким путем какую-либо выгоду или снискать почет.

117

Притворяясь, будто мы попали в расставленную нам ловушку, мы проявляем поистине утонченную хитрость, потому что обмануть человека легче всего тогда, когда он хочет обмануть нас. {7}

118

Если мы решим никогда не обманывать других, они то и дело будут обманывать нас.

119

Мы так привыкли притворяться перед другими, что под конец начинаем притворяться перед собой.

120

Предательства совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по слабости характера.

121

Люди делают добро часто лишь для того, чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло.

122

Мы сопротивляемся нашим страстям не потому, что мы сильны, а потому, что они слабы.

123

Люди не знали бы удовольствия в жизни, если бы никогда себе не льстили.

124

Истинно ловкие люди всю жизнь делают вид, что гнушаются хитростью, а на самом деле они просто приберегают ее для исключительных случаев, обещающих исключительную выгоду.

125

Злоупотребление хитростью говорит об ограниченности ума; люди, пытающиеся прикрыть таким способом свою наготу в одном месте, неизбежно разоблачают себя в другом.

126

Хитрость и предательство свидетельствуют лишь о недостатках ловкости.

127

Вернейший способ быть обманутым - это считать себя хитрее других.

128

Преувеличенная тонкость ведет к пустой щепетильности; только в истинной щепетильности скрыта настоящая тонкость

129

Иногда достаточно быть грубым, чтобы избежать ловушки хитреца. {8}

130

Слабость характера - это единственный недостаток, который невозможно исправить.

131

Легкое поведение - это наименьший недостаток женщин, известных своим легким поведением.

132

Проявить мудрость в чужих делах куда легче, нежели в своих собственных.

133

Копии хороши лишь тогда, когда они открывают нам смешные стороны дурных оригиналов.

134

В людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те, на которые они претендуют.

135

Порою человек так же мало похож на себя, как и на других.

136

Иные люди только потому и влюбляются, что они слышаны о любви.

137

Люди охотно молчат, если тщеславие не побуждает их говорить.

138

Люди скорее согласятся себя чернить, нежели молчать о себе.

139

Одна из причин того, что умные и приятные собеседники так редки, заключается в обыкновении большинства людей отвечать не на чужие суждения, а на собственные мысли. Тот, кто похитрее и пообходительнее, пытается изобразить на своем лице внимание, но его глаза и весь облик выдают отсутствие интереса к тому, что говорит другой, и нетерпеливое желание вернуться к тому, что намерен сказать он сам. Мало кто понимает, что такое старание угодить себе - плохой способ угодить другому или убедить его и что, только умея слушать и отвечать, можно быть хорошим собеседником.

140

Умный человек нередко попадал бы в затруднительное положение, не будь он окружен дураками.

141

Мы любим похвалиться тем, что никогда не скучаем; тщеславие не позволяет нам признать, что в обществе нас могут счесть плохими собеседниками.

142

В то время как люди умные умеют выразить многое в немногих словах, люди ограниченные, напротив, обладают способностью много говорить - и ничего не сказать.

143

Преувеличивая чужие добродетели, мы отдаем дань не столько им, сколько нашим собственным чувствам; мы ищем похвал себе, делая вид, что хвалим других.

144

Люди не любят хвалить и никогда не хвалят бескорыстно. Похвала - это искусная, скрытая, изящная лесть, приятная и тому, кто льстит, и тому, кому льстят: один принимает ее как награду за свои достоинства, другой преподносит, чтобы доказать свою справедливость и проницательность.

145

Мы часто выискиваем отравленные похвалы, косвенно открывающие в тех, кого мы хвалим, такие недостатки, на которые мы не осмеливаемся указать прямо.

146

Мы хвалим других обычно лишь для того, чтобы услышать похвалу себе.

147

Люди редко бывают достаточно разумны, чтобы предпочесть полезное порицание опасной похвале.

148

Иные упреки звучат как похвала, зато иные похвалы хуже злословия.

149

Уклонение от похвалы - это просьба повторить ее.

150

Жажда заслужить расточаемые нам похвалы укрепляет нашу добродетель; таким образом, похвалы нашему уму, доблести и красоте делают нас умнее, доблестнее и красивее.

151

Нам легче управлять людьми, чем помешать им управлять нами.

152

Если бы мы не льстили себе сами, нас не портила бы чужая лесть.

153

Наделяет нас достоинствами природа, а помогает их проявить судьба.

154

Судьба исправляет такие наши недостатки, каких не мог бы исправить даже разум.

155

Иные люди отталкивают, невзирая на все их достоинства, а другие привлекают при всех их недостатках.

156

Есть люди, все достоинства которых основаны на способности уместно говорить и делать глупости; если бы они изменили поведение, все было бы испорчено;

157

Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута.

158

Лесть - это фальшивая монета, которая имеет хождение только из-за нашего тщеславия.

159

Мало обладать выдающимися качествами, надо еще уметь ими пользоваться.

160

Любое, даже самое громкое деяние нельзя назвать великим, если оно не было следствием великого замысла.

161

Деяние и замысел должны соответствовать друг другу, не то заложенные в них возможности так и останутся неосуществленными.

162

Умение ловко пользоваться посредственными способностями не внушает уважения - и все же нередко приносит людям больше славы, чем истинные достоинства. {9}

163

В очень многих случаях поведение людей только потому кажется смешным, что причины его, вполне разумные и основательные, скрыты от окружающих.

164

Человеку легче казаться достойным той должности, которой он не занимает, нежели той, в которой состоит.

165

Порядочные люди уважают нас за наши достоинства, а толпа - за благосклонность судьбы.

166

Свет чаще награждает видимость достоинств, нежели сами достоинства.

167

Скупость дальше от бережливости, чем даже расточительность.

168

Как ни обманчива надежда, все же до конца наших дней она ведет нас легкой стезей.

169

Хотя мы храним верность своему долгу нередко лишь из лени и трусости, все лавры за это достаются на долю наших добродетелей.

170

Нелегко разглядеть, чем вызван честный, искренний, благородный поступок - порядочностью или дальновидным расчетом.

171

Добродетели теряются в своекорыстии, как реки в море.

172

Если внимательно присмотреться к последствиям скуки, то окажется, что она заставляет отступать от долга чаще, чем даже своекорыстие.

173

Есть две разновидности любопытства: своекорыстное - внушенное надеждой приобрести полезные сведения, и самолюбивое - вызванное желанием узнать то, что неизвестно другим.

174

Было бы куда полезнее употребить все силы нашего разума на то, чтобы достойно сносить несчастья, уже случившиеся, нежели на то, чтобы предугадывать несчастья, которые еще только могут случиться.

175

Постоянство в любви - это вечное непостоянство, побуждающее нас увлекаться по очереди всеми качествами любимого человека, отдавая предпочтение то одному из них, то другому; таким образом, постоянство оказывается непостоянством, но ограниченным, то есть сосредоточенным на одном предмете.

176

Постоянство в любви бывает двух родов: мы постоянны или потому, что все время находим в любимом человеке новые качества, достойные любви, или же потому, что считаем постоянство долгом чести.

177

Постоянство не заслуживает ни похвал, ни порицаний, ибо в нем проявляется устойчивость вкусов и чувств, не зависящая от нашей воли.

178

К новым знакомствам нас обычно толкает не столько усталость от старых или любовь к переменам, сколько недовольство тем, что люди хорошо знакомые недостаточно нами восхищаются, и надежда на то, что люди мало знакомые будут восхищаться больше.

179

Мы постоянно жалуемся на друзей, чтобы заранее оправдать непостоянство нашей дружбы.

180

Наше раскаяние - это обычно не столько сожаление о зле, которое совершили мы, сколько боязнь зла, которое могут причинить нам в ответ.

181

Иногда непостоянство происходит от легкомыслия или от незрелости ума, побуждающих человека соглашаться с любым чужим мнением; но есть другого рода непостоянство, более простибельное, ибо его порождает отвращение к окружающему.

182

Пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств; благоразумие смешивает их, ослабляет их действие и потом умело пользуется ими как средством против жизненных невзгод.

183

К чести добродетели следует все же признать, что самые большие несчастья случаются с людьми не из-за нее, а из-за их собственных проступков. {10}

184

Мы признаемся в своих недостатках для того, чтобы этой искренностью возместить ущерб, который они наносят нам в мнении окружающих.

185

Зло, как и добро, имеет своих героев.

186

Мы презираем не тех, у кого есть пороки, а тех, у кого нет никаких добродетелей.

187

Видимость добродетели приносит своекорыстию не меньшую пользу, чем порок.

188

Здоровье души не менее хрупко, чем здоровье тела, и тот, кто мнит себя свободным от страстей, так же легко может им поддаться, как человек цветущего здоровья - заболеть.

189

С самого рождения каждого человека природа как бы предопределяет меру его добродетелей и пороков.

190

Только у великих людей бывают великие пороки.

191

Можно сказать, что пороки ждут нас на жизненном пути, как хозяйева постоянных дворов, у которых приходится поочередно останавливаться, и я не думаю, чтобы опыт помог нам их избежать, даже если бы нам было дано пройти этот путь вторично.

192

Когда пороки покидают нас, мы стараемся уверить себя, что это мы покинули их.

193

Болезни души так же возвращаются к нам, как и болезни тела. То, что мы принимаем за выздоровление, обычно оказывается либо кратковременным облегчением старого недуга, либо началом нового.

194

Пороки души похожи на раны тела: как бы старательно их ни лечили, они все равно оставляют рубцы и в любую минуту могут открыться снова.

195

Всецело предаться одному пороку нам обычно мешает лишь то, что у нас их несколько.

196

Мы легко забываем свои ошибки, когда они известны лишь нам одним.

197

Есть люди, в дурные дела которых невозможно поверить, пока не убедишься собственными глазами. Однако нет таких людей, дурным делам которых стоило бы удивляться после того, как мы в них уже убедились.

198

Мы порою восхваляем доблести одного человека, чтобы унижить другого: так, например, люди меньше превозносили бы принца Конде, если бы не хотели опорочить маршала Тюренна, и наоборот.

199

Желание прослыть ловким человеком нередко мешает стать ловким в действительности.

200

Добродетель не достигала бы таких высот, если бы ей в пути не помогало тщеславие.

201

Тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще сильнее.

202

Люди мнимо благородные скрывают свои недостатки и от других и от себя, а люди истинно благородные прекрасно их сознают и открыто о них заявляют.

203

Истинно благородные люди никогда ничем не кичатся.

204

Строгость нрава у женщин - это белила и румяна, которыми они оттеняют свою красоту.

205

Целомудрие женщин - это большей частью просто забота о добром имени и покое.

206

Кто стремится всегда жить на виду у благородных людей, тот поистине благородный человек.

207

Безрассудство сопутствует нам всю жизнь; если кто-нибудь и кажется нам мудрым, то это значит лишь, что его безрассудства соответствуют его возрасту и положению.

208

Есть глупцы, которые сознают свою глупость и ловко ею пользуются.

209

Кто никогда не совершал безрассудств, тот не так мудр, как ему кажется.

210

К старости люди становятся безрассуднее - и мудрее.

211

Иные люди похожи на песенки: они быстро выходят из моды.

212

Большинство людей судит о ближних по их богатству или светским успехам.

213

Жажда славы, боязнь позора, погоня за богатством, желание устроить жизнь удобно и приятно, стремление унижить других - вот что нередко лежит в основе доблести, столь перевозносимой людьми.

214

Для простого солдата доблесть - это опасное ремесло, за которое он берется, чтобы снискать себе пропитание.

215

Высшая доблесть и непреодолимая трусость - это крайности, которые встречаются очень редко. Между ними на обширном пространстве располагаются всевозможные оттенки храбрости, такие же разнообразные, как человеческие лица и характеры. Есть люди, которые смело встречают опасность в начале сражения, но легко охлаждаются и падают духом, если оно затягивается; другие делают то, чего от них требует общественное мнение, и на этом успокаиваются. Одни не всегда умеют овладеть своим страхом, другие подчас заражаются страхом окружающих, а третьи идут в бой просто потому, что не смеют оставаться на своих местах. Иные, привыкнув к мелким опасностям, закаляются духом для встречи с более значительными. Некоторые храбры со шпагой в руках, но пугаются мушкетного выстрела; другие же смело стоят под пулями, но боятся обнаженной шпаги. Все эти различные виды храбрости схожи между собой в том, что ночью, - когда страх усиливается, а тьма равно скрывает и хорошие, и дурные поступки, - люди ревнивей оберегают свою жизнь. Но есть у людей еще один способ обберечь себя - и притом самый распространенный: делать меньше, чем они сделали бы, если бы знали наперед, что все сойдет благополучно. Из этого явствует, что страх смерти в какой-то мере ограничивает доблесть.

216

Высшая доблесть состоит в том, чтобы совершать в одиночестве то, на что люди обычно отваживаются лишь в присутствии многих свидетелей.

217

Бесстрашие - это необычайная сила души, возносящая ее над замешательством, тревогой и смятением, порождаемыми встречей с серьезной опасностью. Эта сила поддерживает в героях спокойствие и помогает им сохранять ясность ума в самых неожиданных и ужасных обстоятельствах.

218

Лицемерие - это дань уважения, которую порок платит добродетели.

219

На войне большинство людей рискует жизнью ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы не запятнать своей чести; но лишь немногие готовы всегда рисковать так, как этого требует цель, ради которой они идут на риск.

220

Тщеславие, стыд, а главное, темперамент - вот что обычно лежит в основе мужской доблести и женской добродетели.

221

Все хотят снискать славу, но никто не хочет лишиться жизни; поэтому храбрецы проявляют не меньше находчивости и ума, чтобы избежать смерти, чем крючкотворцы - чтобы приумножить состояние.

222

Почти всегда по отроческим склонностям человека уже ясно, в чем его слабость и что приведет к падению его тело и душу.

223

Благодарность подобна честности купца: она поддерживает коммерцию. Часто мы оплачиваем ее счета не потому, что стремимся поступать справедливо, а для того, чтобы впредь люди охотнее давали нам займы.

224

Не всякий, кто платит долги благодарности, имеет право считать себя на этом основании благодарным человеком.

225

Ошибки людей в их расчетах на благодарность за оказанные ими услуги происходят оттого, что гордость дающего и гордость принимающего не могут сговориться о цене благодеяния.

226

Чрезмерная поспешность в расплате за оказанную услугу есть своего рода неблагодарность.

227

Счастливые люди неисправимы: судьба не наказывает их за грехи, и поэтому они считают себя безгрешными.

228

Гордость не хочет быть в долгу, а самолюбие не желает расплачиваться.

229

Если кто-нибудь сделает нам добро, мы обязаны терпеливо сносить и причиняемое этим человеком зло.

230

Пример заразителен, поэтому все благодетели рода человеческого и все злодеи находят подражателей. Добрым делам мы подражаем из чувства соревнования, дурным же - из врожденной злобности, которую стыд сдерживал, а пример выпустил на волю.

231

Нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех.

232

Чем бы мы ни объясняли наши огорчения, чаще всего в их основе лежит обманутое своекорыстие или уязвленное тщеславие.

233

Человеческое горе бывает лицемерно по-разному. Иногда, оплакивая потерю близкого человека, мы в действительности оплакиваем самих себя: мы оплакиваем наши утраченные наслаждения, богатство, влияние, мы горюем о добром отношении к нам. Таким образом, мы проливаем слезы над участью живых, а относим их за счет мертвых. Этот род лицемерия я считаю невинным, ибо в таких случаях люди обманывают не только других, но и себя. Однако есть лицемерие много рода, более злостное, потому что оно сознательно вводит всех в заблуждение: я говорю о скорби некоторых людей, мечтающих снискать славу великим, неувядающим горем. После того как безжалостное время умерит печаль, которую эти люди некогда испытывали, они продолжают упорствовать в слезах, жалобах и вздохах. Они надевают на себя личину уныния и стараются всеми своими поступками доказать, что их грусть кончится лишь вместе с жизнью. Это мелкое и утомительное тщеславие встречается обычно у честолюбивых женщин. Так как их пол закрывает им все пути, ведущие к славе, они стремятся достигнуть известности, выставляя напоказ свое безутешное горе. Есть еще один неглубокий источник слез, которые легко льются и легко высыхают: люди плачут, чтобы прослыть чувствительными, плачут, чтобы вызвать сострадание, плачут, чтобы быть оплаканными, и, наконец, плачут потому, что не плакать стыдно.

234

Люди упрямо не соглашаются с самыми здравыми суждениями не по недостатку проницательности, а из-за избытка гордости: они видят, что первые ряды в правом деле разобраны, а последние им не хочется занимать.

235

Горе друзей печалит нас недолго, если оно доставляет нам случай проявить на виду у всех наше участие к ним.

236

Порою может показаться, что себялюбие попадает в сети к доброте и невольно забывает о себе, когда мы трудимся на благо ближнего. В действительности же мы просто избираем кратчайший путь к цели, как бы отдаем деньги в рост под видом подарка, и таким образом применяем тонкий и изысканный способ завоевать доверие окружающим.

237

Похвалы за доброту достоин лишь человек, у которого хватает твердости характера на то, чтобы иной раз быть злым; в противном случае доброта чаще всего говорит лишь о бездеятельности или о недостатке воли. {11}

238

Причинять людям зло большей частью не так опасно, как делать им слишком много добра.

239

Ничто так не льстит нашему самолюбию, как доверие великих мира сего; мы принимаем его как дань нашим достоинствам, не замечая, что обычно оно вызвано тщеславием или неспособностью хранить тайну.

240

Привлекательность при отсутствии красоты - это особого рода симметрия, законы которой нам неизвестны; это скрытая связь между всеми чертами лица, с одной стороны, и чертами лица, красками и общим обликом человека - с другой.

241

Кокетство - это основа характера всех женщин, только не все пускают его в ход, ибо у некоторых оно сдерживается боязнью или рассудком.

242

Чаще всего тяготят окружающих те люди, которые считают, что они никому не могут быть в тягость.

243

На свете мало недостижимых вещей; будь у нас больше настойчивости, мы могли бы отыскать путь почти к любой цели.

244

Высшая ловкость состоит в том, чтобы всему знать истинную цену.

245

Поистине ловок тот, кто умеет скрывать свою ловкость.

246

То, что мы принимаем за благородство, нередко оказывается переряженным

честолюбием, которое, презирая мелкие выгоды, прямо идет к крупным.

247

Преданность - это в большинстве случаев уловка самолюбия, цель которой - завоевать доверие; это способ возвыситься над другими людьми и проникнуть в важнейшие тайны.

248

Великодушие всем пренебрегает, чтобы всем завладеть.

249

В звуке голоса, в глазах и во всем облике говорящего заключено не меньше красноречия, чем в выборе слов.

250

Истинное красноречие - это умение сказать все, что нужно, и не больше, чем нужно.

251

Одним людям идут их недостатки, а другим даже достоинства не к лицу.

252

Вкусы меняются столь же часто, сколь редко меняются склонности.

253

Своекорыстие приводит в действие все добродетели и все пороки.

254

Смирение нередко оказывается притворной покорностью, цель которой - подчинить себе других; это - уловка гордости, принижающей себя, чтобы возвыситься, и хотя у гордости тысяча обличий, но самое искусное и самое обманчивое из них - смирение.

255

У всякого чувства есть свойственные лишь ему одному жесты, интонации и мимика; впечатление от них, хорошее или дурное, приятное или неприятное, и служит причиной того, что люди располагают нас к себе или отталкивают.

256

Каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться; поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин.

257

Величавость - это непостижимая уловка тела, изобретенная для того, чтобы скрыть недостатки ума.

258

Хороший вкус говорит не столько об уме, сколько о ясности суждений.

259

Счастье любви заключается в том, чтобы любить; люди счастливее, когда сами испытывают страсть, чем когда ее внушают.

260

Вежливость - это желание всегда встречать вежливое обращение и слыть обходительным человеком.

261

Воспитание молодых людей обычно сводится к поощрению их врожденного себялюбия.

262

Ни в одной страсти себялюбие не царит так безраздельно, как в любви; люди всегда готовы принести в жертву покой любимого существа, лишь бы сохранить свой собственный.

263

В основе так называемой щедрости обычно лежит тщеславие, которое нам дороже всего, что мы дарим.

264

Чаще всего сострадание - это способность увидеть в чужих несчастьях свои собственные, это - предчувствие бедствий, которые могут постигнуть и нас. Мы помогаем людям, чтобы они в свою очередь помогли нам; таким образом, наши услуги сводятся просто к благодеяниям, которые мы загодя оказываем самим себе.

265

Упрямство рождено ограниченностью нашего ума: мы неохотно верим тому, что выходит за пределы нашего кругозора.

266

Ошибается тот, кто думает, будто лишь таким бурным страстям, как любовь и честолюбие, удастся подчинить себе другие страсти. Самой сильной нередко оказывается бездеятельная леность: завладевая людскими помыслами и поступками, она незаметно подтачивает все их стремления и добродетели.

267

Люди потому так охотно верят дурному, не стараясь проникнуть в суть дела, что они тщеславны и ленивы. Им хочется найти виновных, но они не желают утруждать себя разбором совершенного проступка.

268

Мы по самым ничтожным поводам обвиняем судей в незнании дела и тем не менее охотно отдаем свою честь и доброе имя на их суд, хотя все они нам враждебны - одни из зависти, другие по ограниченности, третьи просто по занятости. Надеясь на то, что эти люди выскажутся в нашу пользу, мы рискуем своим покоем и даже жизнью.

269

Как бы ни был проницателен человек, ему не постигнуть всего зла, которое он творит.

270

Слава, уже приобретенная нами, - залог той славы, которую мы рассчитываем приобрести.

271

Молодость - это постоянное опьянение, это горячка рассудка.

272

Тому, чьи достоинства уже награждены подлинной славой, больше всего следовало бы стыдиться усилий, которые он прилагает, чтобы ему поставили в заслугу всякие пустяки.

273

В свете иной раз высоко ценят людей, все достоинства которых сводятся к порокам, приятным в повседневной жизни.

274

Очарование новизны в любви подобно цветению фруктовых деревьев: оно быстро тускнеет и больше никогда не возвращается.

275

Природное добродушие, которое любит похвалиться своей чувствительностью, нередко умолкает, побежденное самым мелочным своекорыстием.

276

Разлука ослабляет легкое увлечение, но усиливает большую страсть, подобно тому как ветер гасит свечу, но раздувает пожар.

277

Нередко женщины, нисколько не любя, все же воображают, будто они любят: увлечение интригой, естественное желание быть любимой, подъем душевных сил, вызванный приключением, и боязнь обидеть отказом - все это приводит их к мысли, что они страстно влюблены, хотя в действительности всего лишь кокетничают.

278

Люди редко бывают довольны теми, кто от их имени вступает в деловые переговоры, так как посредники, стараясь стяжать себе добрую славу, почти всегда жертвуют интересами своих друзей ради успеха самих переговоров.

279

Когда мы преувеличиваем привязанность к нам наших друзей, нами обычно руководит не столько благодарность, сколько желание выставить напоказ наши достоинства.

280

Доброжелательность, с которой люди порою приветствуют тех, кто впервые вступает в свет, обычно бывает вызвана тайной завистью к тем, кто уже давно занимает в нем прочное положение.

281

Гордость часто разжигает в нас зависть, и та же самая гордость нередко помогает нам с ней справиться.

282

Ложь иной раз так ловко прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу.

283

Для того, чтобы воспользоваться хорошим советом со стороны, подчас требуется не меньше ума, чем для того, чтобы подать хороший совет самому себе.

284

Опаснее всего те злые люди, которые не совсем лишены доброты.

285

Великодушие довольно точно определено своим названием; кроме того, можно сказать, что оно - здравый смысл гордости и самый достойный путь к доброй славе.

286

Мы не можем вторично полюбить тех, кого однажды действительно разлюбили.

287

Мы находим несколько решений одного и того же вопроса не столько потому, что наш ум очень плодovit, сколько потому, что он не слишком прозорлив и, вместо того чтобы остановиться на самом лучшем решении, представляет нам без разбора все возможности сразу.

288

При некоторых обстоятельствах, точно так же, как при некоторых болезнях, помощь со стороны может иной раз только повредить; требуется большая проницательность, чтобы распознать те случаи, когда она опасна.

289

Показная простота - это утонченное лицемерие.

290

В характере человека больше изъянов, чем в его уме.

291

У людских достоинств, как и у плодов, есть своя пора.

292

Можно сказать, что у человеческих характеров, как и у некоторых зданий, несколько фасадов, причем не все они приятны на вид.

293

Умеренность не имеет права хвалиться тем, что она одолевает честолюбие и подчиняет его себе. Умеренность - это душевная бездеятельность и леность, тогда как честолюбие - это живость и горячность, и они никогда не живут вместе.

294

Мы всегда любим тех, кто восхищается нами, но не всегда любим тех, кем восхищаемся мы.

295

Мы редко до конца понимаем, чего мы в действительности хотим.

296

Трудно любить тех, кого мы совсем не уважаем, но еще труднее любить тех, кого уважаем больше, чем самих себя.

297

Соки нашего тела, совершая свой обычный и неизменный круговорот, тайно приводят в действие и направляют нашу волю; сливаясь в единый поток, они

незаметно властвуют над нами, воздействуя на все наши поступки.

298

Признательность большинства людей порождена скрытым желанием добиться еще больших благодеяний.

299

Почти все люди охотно расплачиваются за мелкие одолжения, большинство бывает признательно за немаловажные, но почти никто не чувствует благодарности за крупные.

300

Иные безрассудства распространяются точно заразные болезни.

301

Многие презирают жизненные блага, но почти никто не способен ими поделиться.

302

Мы лишь тогда осмеливаемся проявлять неверие в силу и влияние небесных светил, когда речь идет о делах несущественных.

303

Какие бы похвалы нам ни расточали, мы не находим в них ничего для себя нового.

304

Мы нередко относимся снисходительно к тем, кто тяготит нас, но никогда не бываем снисходительны к тем, кто тяготится нами.

305

Своекорыстие винят во всех наших преступлениях, забывая при этом, что оно нередко заслуживает похвалы за наши добрые дела.

306

Пока человек в состоянии творить добро, ему не грозит опасность столкнуться с неблагодарностью.

307

Воздавать должное своим достоинствам наедине с собою столь же разумно, сколь смехотворно превозносить их в присутствии других.

308

Умеренность провозгласили добродетелью для того, чтобы обуздать честолюбие великих людей и утешить людей незначительных, обладающих лишь скромным достоянием и скромными достоинствами.

309

Есть люди, которым на роду написано быть глупцами: они делают глупости не только по собственному желанию, но и по воле судьбы.

310

Бывают в жизни положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства.

311

Если и есть на свете люди, которые никогда не казались смешными, то это значит лишь, что никто не старался отыскать в них смешные черты.

312

Любовники только потому никогда не скучают друг с другом, что они все время говорят о себе.

313

Почему мы запоминаем во всех подробностях то, что с нами случилось, но неспособны запомнить, сколько раз мы рассказывали об этом одному и тому же лицу?

314

Необычайное удовольствие, с которым мы говорим о себе, должно было бы внушить нам подозрение, что наши собеседники его отнюдь не разделяют.

315

Нашей полной откровенности с друзьями мешает обычно не столько недоверие к ним, сколько недоверие к самим себе.

316

Люди слабохарактерные не способны быть искренними.

317

Невелика беда - услужить неблагодарному, но большое несчастье - принять услугу от подлеца.

318

Можно излечить от безрассудства, но нельзя выпрямить кривой ум.

319

Нам ненадолго хватило бы добрых чувств, которые мы должны питать к нашим друзьям и благодетелям, если бы мы позволяли себе вволю говорить об их недостатках.

320

Восхвалять государей за достоинства, которыми они не обладают, значит безнаказанно наносить им оскорбление.

321

Нам легче полюбить тех, кто нас ненавидит, нежели тех, кто любит сильнее, чем нам желательно.

322

Бойтса презрения лишь тот, кто его заслуживает.

323

Наше здравомыслие так же подвластно случаю, как и богатство.

324

В ревности больше самолюбия, чем любви.

325

Слабость характера нередко утешает нас в таких несчастьях, в каких бессилён утешить разум.

326

Смешное наносит чести больший ущерб, чем само бесчестие.

327

Признаваясь в маленьких недостатках, мы тем самым стараемся убедить окружающих в том, что у нас нет крупных.

328

Зависть еще непримиримее, чем ненависть.

329

Иногда людям кажется, что они ненавидят лесть, в то время как им ненавистна лишь та или иная ее форма.

330

Пока люди любят, они прощают.

331

Труднее хранить верность той женщине, которая дарит счастье, нежели той, которая причиняет мучения.

332

Женщины не сознают всей беспредельности своего кокетства.

333

Непреклонная строгость поведения противна женской натуре.

334

Женщине легче преодолеть свою страсть, нежели свое кокетство.

335

В любви обман почти всегда заходит дальше недоверия.

336

Бывает такая любовь, которая в высшем своем проявлении не оставляет места для ревности.

337

Иные достоинства подобны зрению или слуху: люди, лишенные этих достоинств, не способны увидеть и оценить их в окружающих.

338

Слишком лютая ненависть ставит нас ниже тех, кого мы ненавидим.

339

Счастье и несчастье мы переживаем соразмерно нашему самолюбию.

340

Ум у большинства женщин служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудств.

341

Равнодушие старости не более способствует спасению души, чем пылкость юности.

342

Ум и сердце человека, так же как и его речь, хранят отпечаток страны, в которой он родился. {12}

343

Чтобы стать великим человеком, нужно уметь искусно пользоваться всем, что предлагает судьба.

344

Многие люди, подобно растениям, наделены скрытыми свойствами; обнаружить их может только случай.

345

Только стечение обстоятельств открывает нашу сущность окружающим и, главное, нам самим.

346

Не может быть порядка в уме и сердце женщины, если ее темперамент с ними не в ладу.

347

Мы считаем здравомыслящими лишь тех людей, которые во всем с нами согласны.

348

Когда человек любит, он часто сомневается в том, во что больше всего верит.

349

Величайшее чудо любви в том, что она излечивает от кокетства.

350

Мы потому возмущаемся людьми, которые с нами лукавят, что они считают себя умнее нас.

351

Когда люди уже не любят друг друга, им трудно найти повод для того, чтобы разойтись.

352

Нам почти всегда скучно с теми людьми, с которыми не полагается скучать.

353

Человек истинно достойный может быть влюблен как безумец, но не как глупец.

354

Иные недостатки, если ими умело пользоваться, сверкают ярче любых достоинств.

355

Мы иногда теряем людей, о которых не столько жалеем, сколько печалимся; однако бывает и так, что мы нисколько не печалимся, хотя и жалеем об утрате.

356

Чистосердечной похвалой мы обычно награждаем лишь тех, кто нами восхищается.

357

Люди мелкого ума чувствительны к мелким обидам; люди большого ума все замечают и ни на что не обижаются.

358

Истинный признак христианских добродетелей - это смирение; если его нет, все наши недостатки остаются при нас, а гордость только скрывает их от окружающих и нередко от нас самих.

359

Неверность должна была бы убивать любовь, и не следовало бы ревновать тогда, когда к этому есть основания: ревности достоин лишь тот, кто старается ее не вызывать.

360

Мельчайшую неверность в отношении нас мы судим куда суровее, чем самую коварную измену в отношении других.

361

Ревность всегда рождается вместе с любовью, но не всегда вместе с нею умирает.

362

Когда женщина оплакивает своего возлюбленного, это чаще всего говорит не о том, что она его любила, а о том, что она хочет казаться достойной любви.

363

Иной раз нам не так мучительно покориться принуждению окружающих, как самим к чему-то себя принудить.

364

Всем достаточно известно, что не подобает человеку говорить о своей жене, но недостаточно известно, что еще меньше ему подобает говорить о себе.

365

Иные достоинства вырождаются в недостатки, если они присущи нам от рождения, а другие никогда не достигают совершенства, если, они благоприобретенные; так, например, бережливость и осмотрительность нам должен внушить разум, но доброту и доблесть должна подарить природа.

366

Как бы мало мы ни доверяли нашим собеседникам, нам все же кажется, что с нами они искреннее, чем с кем бы то ни было.

367

На свете мало порядочных женщин, которым не опостылела бы их добродетель.

368

Почти все порядочные женщины - это нетронутые сокровища, которые потому и в неприкосновенности, что их никто не ищет.

369

Усилия, которые мы прилагаем, чтобы не влюбиться, порою причиняют нам больше мучений, чем жестокость тех, в кого мы уже влюбились.

370

Труссы обычно не сознают всей силы своего страха.

371

Тот, кого разлюбили, обычно сам виноват, что вовремя этого не заметил.

372

Юношам часто кажется, что они естественны, тогда как на самом деле они просто невоспитанны и грубы.

373

Иной раз, проливая слезы, мы ими обманываем не только других, но и самих себя.

374

Весьма заблуждается тот, кто думает, будто он любит свою любовницу только за ее любовь к нему.

375

Люди недалекие обычно осуждают все, что выходит за пределы их понимания.

376

Настоящая дружба не знает зависти, а настоящая любовь - кокетства.

377

Лишены прозорливости не те люди, которые не достигают цели, а те, которые прошли мимо нее.

378

Можно дать другому разумный совет, но нельзя научить его разумному поведению.

379

Все, что перестает удаваться, перестает и привлекать.

380

Как все предметы лучше всего видны на свету, так наши добродетели и пороки отчетливее всего выступают в лучах удачи.

381

Верность, которую удастся сохранить только ценой больших усилий, ничуть не лучше измены.

382

Наши поступки подобны строчкам буримы: {13} каждый связывает их с чем ему заблагорассудится.

383

Наша искренность в немалой доле вызвана желанием поговорить о себе и выставить свои недостатки в благоприятном свете.

384

Нам следовало бы удивляться только нашей способности чему-нибудь еще удивляться.

385

Одинаково трудно угодить и тому, кто любит очень сильно, и тому, кто уже совсем не любит.

386

Как раз те люди, которые во что бы то ни стало хотят всегда быть правыми, чаще всего бывают неправы.

387

Глупец не может быть добрым: для этого у него слишком мало мозгов.

388

Если тщеславие и не повергает в прах все наши добродетели, то, во всяком случае, оно их колеблет.

389

Мы потому так нетерпимы к чужому тщеславию, что оно уязвляет наше собственное.

390

Легче пренебречь выгодой, чем отказаться от прихоти.

391

Судьбу считают слепой главным образом те, кому она не дарует удачи.

392

С судьбой следует обходиться, как со здоровьем: когда она нам благоприятствует - наслаждаться ею, а когда начинает капризничать - терпеливо выжидать, не прибегая без особой необходимости к сильнодействующим средствам.

393

Мещанские замашки порою скрадываются в кругу военных, но они всегда заметны при дворе.

394

Можно перехитрить кого-то одного, но нельзя перехитрить всех на свете.

395

Пороку легче стерпеть обман того, кого любишь, чем услышать от него всю правду.

396

Женщина долго хранит верность первому своему любовнику, если только она не берет второго.

397

Мы не дерзаем огульно утверждать, что у нас совсем нет пороков, а у наших врагов совсем нет добродетелей, но в каждом отдельном случае мы почти готовы этому поверить.

398

Мы охотнее признаемся в лености, чем в других наших недостатках; мы внушили себе, что она проистекает из наших миролюбивых добродетелей и, не нанося большого ущерба прочим достоинствам, лишь умеряет их проявление.

399

Людям иной раз присуща величавость, которая не зависит от благосклонности судьбы: она проявляется в манере держать себя, которая выделяет человека и словно пророчит ему блистательное будущее, а также в той оценке, которую он невольно себе дает. Именно это качество привлекает к нам уважение окружающих и возвышает над ними так, как не могли бы возвысить ни происхождение, ни сан, ни даже добродетели.

400

Достоинствам не всегда присуща величавость, но величавости всегда присущи хоть какие-нибудь достоинства.

401

Величавость так же к лицу добродетели, как драгоценный убор к лицу красивой женщине.

402

В волокитстве есть все что угодно, кроме любви.

403

Чтобы возвысить нас, судьба порой пользуется нашими недостатками; так, например, иные беспокойные люди были вознаграждены по заслугам только потому, что все старались любой ценой отделаться от них. {14}

404

По-видимому, природа скрывает в глубинах нашей души способности и

дарования, о которых мы и сами не подозреваем; только страсти пробуждают их к жизни и порою сообщают нам такую пронизательность и твердость, каких при обычных условиях мы никогда не могли бы достичь.

405

Мы вступаем в различные возрасты нашей жизни точно новорожденные, не имея за плечами никакого опыта, сколько бы нам ни было лет.

406

Кокетки притворяются, будто ревнуют своих любовников, желая скрыть, что они просто завидуют другим женщинам.

407

Когда нам удастся надуть других, они редко кажутся нам такими дураками, какими кажемся мы самим себе, когда другим удается надуть нас.

408

В особенно смешное положение ставят себя те старые женщины, которые помнят, что когда-то были привлекательны, но забыли, что давно уже утратили былое очарование.

409

Нередко нам пришлось бы стыдиться своих самых благородных поступков, если бы окружающим были известны наши побуждения.

410

Величайший подвиг дружбы не в том, чтобы показать другу наши недостатки, а в том, чтобы открыть ему глаза на его собственные.

411

Любой наш недостаток более простителен, чем уловки, на которые мы идем, чтобы его скрыть.

412

Каким бы тяжелым позором мы себя ни покрыли, у нас почти всегда остается возможность восстановить свое доброе имя.

413

Не может долго нравиться тот, кто умен всегда на один лад.

414

Дуракам и безумцам весь мир представляется в свете их сумасбродства.

415

Ум служит нам порою лишь для того, чтобы смело делать глупости.

416

Горячность, которая с годами все возрастает, уже граничит с глупостью.

417

Тот, кто излечивается от любви первым, - всегда излечивается полнее.

418

Молодым женщинам, не желающим прослыть кокетками, и пожилым мужчинам, не желающим казаться смешными, следует говорить о любви так, словно они к ней не причастны.

419

Мы можем казаться значительными, занимая положение, которое ниже наших достоинств, но мы нередко кажемся ничтожными, занимая положение, слишком для нас высокое.

420

Нам часто представляется, что мы стойки в несчастье, хотя на самом деле мы только угнетены; мы переносим его, не смея на него взглянуть, как трусы, которым так страшно защищаться, что они готовы дать себя убить.

421

Больше всего оживляет беседу не ум, а взаимное доверие.

422

Любая страсть толкает на ошибки, но на самые глупые толкает любовь.

423

Как мало на свете стариков, владеющих искусством быть стариками!

424

Нам нравится наделять себя недостатками, противоположными тем, которые присущи нам на самом деле: слабохарактерные люди, например, любят хвастаться упрямством.

425

Проницательность придает нам такой всезнающий вид, что она льстит нашему тщеславию больше, чем все прочие качества ума.

426

Прелесть новизны и долгая привычка, при всей их противоположности, одинаково мешают нам видеть недостатки наших друзей.

427

Большинство друзей внушает отвращение к дружбе, а большинство людей благочестивых - к благочестию.

428

Мы охотно прощаем нашим друзьям недостатки, которые нас не задевают.

429

Влюбленная женщина скорее простит большую нескромность, нежели маленькую неверность.

430

На старости любви, как и на старости лет, люди еще живут для скорбей, но уже не живут для наслаждений.

431

Ничто так не мешает естественности, как желание казаться естественным.

432

Чистосердечно хвалить добрые дела - значит до некоторой степени принимать в них участие.

433

Вернейший признак высоких добродетелей - от самого рождения не знать зависти.

434

Будучи обмануты друзьями, мы можем равнодушно принимать проявления их дружбы, но должны сочувствовать им в их несчастьях.

435

Миром правят судьба и прихоть.

436

Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности.

437

О достоинствах человека нужно судить не по его хорошим качествам, а по тому, как он ими пользуется.

438

Наша благодарность иногда бывает так велика, что, расплачиваясь с друзьями за сделанное нам добро, мы еще оставляем их у себя в долгу.

439

У нас нашлось бы очень мало страстных желаний, если бы мы точно знали, чего мы хотим.

440

Женщины в большинстве своем оттого так безразличны к дружбе, что она кажется им пресной в сравнении с любовью.

441

В дружбе, как и в любви, чаще доставляет счастье то, чего мы не знаем, нежели то, что нам известно.

442

Мы стараемся вменить себе в заслугу те недостатки, которых не желаем исправлять.

443

Даже самые бурные страсти порою дают нам передышку, и только тщеславие терзает нас неотступно.

444

Старые безумцы еще безумнее молодых.

445

Слабохарактерность еще дальше от добродетели, чем порок.

446

Стыд и ревность потому причиняют нам такие муки, что тут бессильно помочь даже тщеславие.

447

Приличие - это наименее важный из всех законов общества и наиболее чтимый.

448

Здравомыслящему человеку легче подчиняться сумасбродам, чем управлять ими.

449

Когда судьба возносит нас сразу на такую высоту, о которой мы не могли и мечтать, то почти всегда оказывается, что мы не в состоянии достойно держать себя в новом положении.

450

Наша гордость часто возрастает за счет недостатков, которые нам удалось преодолеть.

451

Нет глупцов более несносных, чем те, которые не совсем лишены ума.

452

Нет на свете человека, который не ценил бы любое свое качество куда выше, чем подобное же качество у другого, даже самого уважаемого им человека.

453

В серьезных делах следует заботиться не столько о том, чтобы создавать благоприятные возможности, сколько о том, чтобы их не упускать.

454

Никто не прогадал бы, согласившись на то, чтобы о нем перестали говорить хорошо, при условии, что не станут говорить дурно.

455

Как ни склонны люди к неправильным суждениям; все же несправедливость к подлинным достоинствам они проявляют реже, чем благосклонность к мнимым.

456

Глупые люди могут иной раз проявить ум, но к здравому суждению они неспособны.

457

Мы выиграли бы в глазах людей, если бы являлись им такими, какими мы всегда были и есть, а не прикидывались такими, какими никогда не были и не будем.

458

Суждения наших врагов о нас ближе к истине, чем наши собственные.

459

Существуют разные лекарства от любви, но нет ни одного надежного.

460

Мы и не представляем себе, на что могут нас толкнуть наши страсти.

461

Старость - это тиран, который под страхом смерти запрещает нам все наслаждения юности.

462

Гордость, заставляющая нас порицать недостатки, которых, как нам кажется, у нас нет, велит нам также презирать и отсутствующие у нас достоинства.

463

Сочувствие врагам, попавшим в беду, чаще всего бывает вызвано не столько добротой, сколько гордостью: мы соболезнуем им для того, чтобы они поняли наше превосходство над ними.

464

Существует такая степень счастья и горя, которая выходит за пределы нашей способности чувствовать.

465

Насколько преступление легче находит себе покровителей, нежели невинность!

466

Все бурные страсти не к лицу женщинам, но менее других им не к лицу любовь.

467

Тщеславие чаще заставляет нас идти против наших склонностей, чем разум.

468

Порок из дурных качеств складываются великие таланты.

469

Мы никогда не стремимся страстно к тому, к чему стремимся только разумом.

470

Все наши качества, дурные, равно как и хорошие, неопределенны и сомнительны, и почти всегда они зависят от милости случая.

471

Когда женщина влюбляется впервые, она любит своего любовника; в дальнейшем она любит уже только любовь.

472

У гордости, как и у других страстей, есть свои причуды: люди стараются скрыть, что они ревнуют сейчас, но хвалятся тем, что ревновали когда-то и способны ревновать и впредь.

473

Как ни редко встречается настоящая любовь, настоящая дружба встречается еще реже.

474

Мало на свете женщин, достоинства которых пережили бы их красоту.

475

Желание вызвать жалость или восхищение - вот что нередко составляет основу нашей откровенности.

476

Наша зависть всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем.

477

Твердость характера заставляет людей сопротивляться любви, но в то же время она сообщает этому чувству пылкость и длительность; люди слабые, напротив, легко загораются страстью, но почти никогда не отдаются ей с головой.

478

Никакому воображению не придумать такого множества противоречивых чувств, какие обычно уживаются в одном человеческом сердце.

479

Истинно мягкими могут быть только люди с твердым характером: у

остальных же кажущаяся мягкость - это чаще всего просто слабость, которая легко превращается в озлобленность.

480

Опасно упрекать в робости тех, кого хотят от нее исцелить.

481

Нет качества более редкого, чем истинная доброта: большинство людей, считающих себя добрыми, только снисходительны или слабы.

482

Наш разум, по своей лености и косности, занят обычно лишь тем, что ему легко или приятно; эта привычка ограничивает наши познания, и никто еще не дал себе труда обогатить и расширить свой разум до пределов возможного.

483

Люди злословят обычно не столько из желания навредить, сколько из тщеславия.

484

Пока угасающая страсть все еще волнует наше сердце, оно более склонно к новой любви, чем впоследствии, когда наступает полное исцеление.

485

Те, кому довелось пережить большие страсти, потом всю жизнь и радуются своему исцелению и горюют о нем.

486

Люди независтливые встречаются еще реже, чем бескорыстные.

487

Наш ум ленивее, чем тело.

488

Наше душевное спокойствие или смятение зависят не столько от важнейших событий нашей жизни, сколько от удачного или неприятного для нас сочетания житейских мелочей.

489

Как ни злы люди, они все же не осмеливаются открыто преследовать добродетель. Поэтому, готовясь напасть на нее, они притворяются, будто считают ее лицемерной, или же приписывают ей какие-нибудь преступления.

490

Люди часто изменяют любви ради честолюбия, но потом уже никогда не изменяют честолюбию ради любви.

491

Непомерная скупость почти всегда ошибается в своих расчетах: она чаще, чем все другие страсти, уходит от цели, к которой стремится, и оказывается во власти настоящего в ущерб будущему.

492

Скупость нередко приводит к самым противоречивым следствиям: многие люди приносят все свое состояние в жертву отдаленным и сомнительным надеждам, другие же пренебрегают крупными выгодами в будущем ради мелочной сегодняшней наживы.

493

Людям, видно, мало своих недостатков: они еще умножают их всевозможными чудачествами, которыми словно бы даже гордятся; эти странности, возвращенные с таким усердием, становятся в конце концов природными недостатками и отделаться от них уже невозможно.

494

Насколько ясно люди понимают свои ошибки, видно из того, что, рассказывая о своем поведении, они всегда умеют выставить его в благоприятном свете: то самое самолюбие, которое обычно ослепляет их ум, в этом случае придает ему такую зоркость и проницательность, что им удается ловко утаить или смягчить любую мелочь, способную вызвать неодобрение.

495

Впервые вступая в свет, молодые люди должны быть застенчивы или даже неловки: уверенность и непринужденность манер обычно оборачиваются наглостью.

496

Людские ссоры не длились бы так долго, если бы вся вина была на одной стороне.

497

Быть молодой, но некрасивой так же неутешительно для женщины, как быть красивой, но немолодой.

498

Есть люди столь ветреные и легковесные, что у них не может быть ни крупных недостатков, ни подлинных достоинств.

499

Молва припоминает женщине ее первого любовника обычно лишь после того, как она завела себе второго.

500

Есть люди, столь поглощенные собой, что, влюбившись, они ухитряются больше думать о собственной любви, чем о предмете своей страсти.

501

Как ни приятна любовь, все же ее внешние проявления доставляют нам больше радости, чем она сама.

502

Ум ограниченный, но здравый в конце концов не так утомителен в собеседнике, как ум широкий, но путанный.

503

Терзания ревности - самые мучительные из человеческих терзаний, и к тому же менее всего внушающие сочувствие тому, кто их причиняет.

504

После всех рассуждений о лицемерности многих показных добродетелей нужно сказать несколько слов и о лицемерности презрения к смерти. Я имею в виду то презрение, о котором говорят безбожники, похваляясь, что черпают его не в уповании на лучшую жизнь, а в своей собственной неустрашимости. Между стойким приятием смерти и презрением к ней - огромная разница: первое встречается довольно часто, второе же, по моему мнению, не бывает искренним никогда. Правда, было написано множество убедительных трактатов, в которых доказывалось, что смерть совсем не страшна; самые слабые люди, точно так же, как славнейшие герои, явили тысячи знаменитых примеров, подтверждающих такой взгляд. Я убежден, однако, что его никогда не разделял ни один здравомыслящий человек. Настойчивость, которую проявляют приверженцы этого взгляда, пытаюсь внушить его другим и самим себе, уже говорит о том, что эта задача не из легких. Можно по каким-либо причинам питать отвращение к жизни, но нельзя презирать смерть. Даже люди, добровольно обрекающие себя на нее, отнюдь не считают смерть такой уж малостью; напротив, они, как и все остальные, страшатся, а порой и отвергают ее, если она приходит к ним не той дорогой, какую они для нее избрали. Колебания, которым подвержено мужество доблестнейших людей, объясняется именно тем, что смерть не всегда рисуется их воображению с одинаковой яркостью. Все дело в том, что они презирают смерть, пока не постигли ее, но, постигнув, поддаются страху. Следует всячески избегать мыслей о ней и обо всем, что ее окружает, иначе она покажется нам величайшим бедствием. Самые смелые и самые разумные люди - это те, которые под любыми благовидными предложениями стараются не думать о смерти. Всякий, кому довелось узнать ее такой, какова она в действительности, понимает, что она ужасна. Единственным источником стойкости для философов всех времен являлась неизбежность смерти. Они считали необходимым с готовностью идти туда, куда не могли не идти, и, будучи не в состоянии навеки сохранить свою жизнь, изо всех сил старались увековечить хотя бы свою славу и спасти от крушения все, что возможно. Ограничимся же тем, что ради сохранения нашего достоинства не станем даже самим себе признаваться в наших мыслях о смерти и возложим все надежды на бодрость нашего духа, а не на шаткие рассуждения о том, будто к ней следует приближаться безбоязненно. Желание стяжать себе славу стойкой смертью, утешительные мысли о печали окружающих, надежда оставить после себя доброе имя, уверенность в освобождении от жизненных тягот и прихотей судьбы - все это недурные средства, но ни одно из них нельзя считать надежным. От них не больше проку, чем от деревянной изгороди для солдат, которым нужно перебежать поле под огнем врага. Пока изгородь далеко, людям кажется, что она может их защитить, но по мере приближения к ней они начинают понимать, что защита эта непрочна. Было бы слишком самонадеянно с нашей стороны думать, что смерть и вблизи покажется нам такой же, какой мы видели ее издали, и что наши чувства, имя которым - слабость, достаточно закалены, чтобы позволить нам бестрепетно пройти через самое тяжелое из всех испытаний. Равным образом, и на себялюбие может рассчитывать лишь тот, кто его не понимает: оно не способно заставить нас легко отнестись к событию, которое ему же несет гибель. Наконец, разум, в котором многие надеются найти поддержку, слишком слаб, чтобы при встрече со смертью мы могли на него опереться. Наоборот, он особенно часто предает нас и, вместо того чтобы научить презрению к смерти, ярко освещает все, что есть в ней ужасного и

отталкивающего. Единственное, что в его силах, - это посоветовать нам отвлечь от нее взоры и сосредоточить их на чем-нибудь другом. Катон и Брут обратились к возвышенным помыслам, а не так давно некий лакей удовольствовался тем, что пустился в пляс на том самом эшафоте, где его должны были колесовать. Невзирая на то, что способы различны, - результат один и тот же. Хотя разница между великими людьми и людьми заурядными огромна, те и другие, как явствует из множества примеров, нередко принимают смерть одинаково. Впрочем, есть и отличие: у великих людей презрение к смерти вызвано ослепляющей их любовью к славе, а у людей простых - ограниченностью, которая не позволяет им постичь всю глубину ожидающего их несчастья и дает возможность думать о вещах посторонних.

МАКСИМУМЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ ПОСМЕРТНО

505

Дарования, которыми господь наделил людей, так же разнообразны как деревья, которыми он украсил землю, и каждое обладает особенными свойствами и приносит лишь ему присущие плоды. Потому-то лучшее грушевое дерево никогда не родит даже дрянных яблок, а самый даровитый человек пасует перед делом хотя и заурядным, но дающимся только тому кто к этому делу способен. И потому сочинять афоризмы, не имея хоть небольшого таланта к занятию такого рода, не менее смешотворно, чем ожидать, что на грядке, где не высажены луковички, зацветут тюльпаны.

506

Разновидностей тщеславия столько, что и считать не стоит.

507

Свет полон горошин, которые издеваются над бобами.

508

Кто слишком высоко ценит благородство своего происхождения, то недостаточно ценит дела, которые некогда легли в его основу.

509

В наказание за первородный грех бог дозволил человеку сотворить кумир из себялюбия, чтобы оно терзало его на всех жизненных путях.

510

Своекорыстие - душа нашего сознания: подобно тому, как тело, лишенное души, не видит, не слышит, не сознает, не чувствует и не движется, так и сознание, разлученное, если дозволено употребить такое выражение, со своекорыстием, не видит, не слышит, не чувствует и не действует. Потому-то и человек, который во имя своей выгоды скитается по морям и землям, вдруг как бы цепенеет, едва речь заходит о выгоде ближнего; потому-то внезапно погружаются в дремоту и словно отлетают в иной мир те, кому мы рассказываем о своих делах, и так же внезапно просыпаются, стоит их почуять в нашем рассказе нечто, хотя бы отдаленно их затрагивающее. Вот и получается, что наш собеседник то теряет сознание то приходит в себя, смотря по тому, идет ли дело о его выгоде или, напротив, не имеет к нему никакого касательства.

511

Мы всего боимся, как и положено смертным, и всего хотим, как будто награждены бессмертием.

512

Порой кажется, что сам дьявол придумал поставить леность на рубежах наших добродетелей.

513

Мы потому готовы поверить любым рассказам о недостатках наших ближних, что всего легче верить желаемому.

514

Исцеляет от ревности только полная уверенность в том, чего мы больше всего боялись, потому что вместе с нею приходит конец или нашей любви, или жизни; что и говорить, лекарство жестокое, но менее жестокое, чем недоверие и подозрение.

515

Где надежда, там и боязнь: боязнь всегда полна надежды, надежда всегда полна боязни..

516

Не следует обижаться на людей, утаивших от нас правду: мы и сами постоянно утаиваем ее от себя.

517

Мы чаще всего потому превратно судим о сентенциях, доказывающих лживость людских добродетелей, что наши собственные добродетели всегда кажутся нам истинными.

518

Преданность властям предрержащим - лишь другая личина себялюбия.

519

Где конец добру, там начало злу, а где конец злу, там начало добру.

520

Философы порицают богатство лишь потому, что мы плохо им распоряжаемся. От нас одних зависит и приобретать, и пускать его в ход, не служа при этом пороку. Вместо того, чтобы с помощью богатства поддерживать и питать злодеяния, как с помощью дров питают пламя, мы могли бы отдать его на служение добродетелям, придав им тем самым и блеск, и привлекательность.

521

Крушение всех надежд человека приятно и его друзьям и недругам.

522

Поскольку всех счастливее в этом мире тот, кто довольствуется малым, то власть имущих и честолюбцев надо считать самыми несчастными людьми, потому что для счастья им нужно несметное множество благ.

523

Человек ныне не таков, каким был создан, и вот убедительнейшее доказательство этому: чем разумнее он становится, тем больше стыдится в душе сумасбродства, низости и порочности своих чувств и наклонностей.

524

Сентенции, обнажающие человеческое сердце, вызывают такое возмущение потому, что людям боязно предстать перед светом во всей своей наготе.

525

Люди, которых мы любим, почти всегда более властны над нашей душой, нежели мы сами.

526

Мы часто клеймим чужие недостатки, но редко, пользуясь их примером, исправляем свои.

527

Человек так жалок, что, посвятив себя единственной цели - удовлетворению своих страстей, беспрестанно сетует на их тиранство; не желая выносить их гнет, он вместе с тем не желает и сделать усилие, чтобы сбросить его; ненавидя страсти, не менее ненавидит и лекарства, их исцеляющие; восставая против терзаний недуга, восстает и против тягот лечения.

528

Когда мы радуемся или печалимся, наши чувства соразмерны не столько удачам или бедам, доставшимся нам на долю, сколько нашей способности чувствовать.

529

Хитрость - признак недалекого ума.

530

Мы расточаем похвалы только затем, чтобы извлечь потом из них выгоду.

531

Людские страсти - это всего лишь разные склонности людского себялюбия.

532

Окончательно соскучившись, мы перестаем скучать.

533

Люди хвалят или бранят чаще всего то, что принято хвалить или бранить.

534

Множество людей притязают на благочестие, но никого не привлекает смирение.

535

Физический труд помогает забывать о нравственных страданиях; поэтому бедняки - счастливые люди.

536

Истинному самобичеванию подвергает себя лишь тот, кто никого об этом не оповещает; в противном случае все облегчается тщеславием.

537

Смирение - это угодный богу алтарь для наших жертвоприношений.

538

Мудрец счастлив, довольствуясь немногим, а глупцу всего мало: вот почему почти все люди несчастны.

539

Нас мучит не столько жажда счастья, сколько желание прослыть счастливыми.

540

Легче убить желание в зародыше, чем потом убогачивать все вождения, им рожденные.

541

Ясный разум дает душе то, что здоровье - телу.

542

Так как великие мира сего не могут дать человеку ни телесного здоровья, ни душевного покоя, то все их благодеяния он всегда оплачивает по слишком дорогой цене.

543

Прежде чем сильно чего-то пожелать, следует осведомиться, очень ли счастлив нынешний обладатель желаемого.

544

Истинный друг - величайшее из земных благ, хотя как раз за этим благом мы меньше всего гонимся.

545

Любовники начинают видеть недостатки своих любовниц, лишь когда их увлечению приходит конец.

546

Благоразумие и любовь не созданы друг для друга: по мере того, как растет любовь, уменьшается благоразумие.

547

Ревнивая жена порою даже приятна мужу: он хотя бы все время слышит разговоры о предмете своей любви.

548

Какой жалости достойна женщина, истинно любящая и при том добродетельная!

549

Мудрый человек понимает, что лучше воспретить себе увлечение, чем потом с ним бороться.

550

Куда полезнее изучать не книги, а людей.

551

Обычно счастье приходит к счастливому, а несчастье - к несчастному.

552

Порядочная женщина - это скрытое от всех сокровище; найдя его, человек разумный не станет им хвалиться.

553

Кто очень сильно любит, тот долго не замечает, что он-то уже не любим.

554

Мы браним себя только для того, чтобы нас похвалили.

555

Нам почти всегда скучно с теми, кому скучно с нами.

556

Говорить всего труднее как раз тогда, когда стыдно молчать.

557

Как естественна и вместе с тем как обманчива вера человека в то, что он любим!

558

Нам приятнее видеть не тех людей, которые нам благодетельствуют, а тех, кому благодетельствуем мы.

559

Скрыть наши истинные чувства труднее, чем изобразить несуществующие.

560

Возобновленная дружба требует больше забот и внимания, чем дружба, никогда не прерывавшаяся.

561

Куда несчастнее тот, кому никто не нравится, чем тот, кто не нравится никому.

562

Старость - вот преисподняя для женщин. {1}

МАКСИМЫ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ ИЗ ПЕРВЫХ ИЗДАНИЙ

563

Себялюбие - это любовь человека к себе и ко всему, что составляет его благо. Оно побуждает людей обоготворять себя и, если судьба им потворствует, тиранить других; довольство оно находит лишь в себе самом, а на всем постороннем останавливается, как пчела на цветке, стараясь извлечь из него пользу. Ничто не сравнится с неистовством его желаний, скрытностью умыслов, хитроумием поступков; его способность подлаживаться невообразима, перевоплощения посрамляют любые метаморфозы, а умение придать себе чистейший вид превосходит любые уловки химии. Глубина его пропастей безмерна, мрак непроницаем. Там, укрытое от любопытных глаз, оно совершает свои неприметные круговращения, там, незримое порою даже самому себе, оно, не ведая того,

зачинает, вынашивает, вскармливает своими соками множество приятней и неприятней и потом производит на свет таких чудищ, что либо искренно не признает их своими, либо предпочитает от них отречься. Из тьмы, окутывающей его, возникают нелепые самообольщения, невежественные, грубые, дурацкие ошибки на свой счет, рождается уверенность, что чувства его умерли, когда они только дремлют, убеждение, что ему никогда больше не захочется бегать, если в этот миг оно расположено отдыхать, вера, что оно утратило способность желать, если все его желания временно удовлетворены. Однако густая мгла, скрывающая его от самого себя, ничуть не мешает ему отлично видеть других, и в этом оно похоже на наши телесные глаза, зоркие к внешнему миру, но слепые к себе. И действительно, когда речь идет о заветных его замыслах или важных предприятиях, оно мгновенно настораживается и, побуждаемое страстной жадной добитесь своего, видит, чувствует, слышит, догадывается, подозревает, проникает, улавливает с такой безошибочностью, что мнится, будто не только оно, но и каждая из его страстей наделена поистине магической пронизательностью. Привязанности его так сильны и прочны, что оно не в состоянии избавиться от них, даже если они грозят ему неисчислимыми бедами, но иногда оно вдруг с удивительной легкостью и быстротой разделяется с чувствами, с которыми упорно, но безуспешно боролось многие годы. Отсюда можно с полным основанием сделать вывод, что не чья-то красота и достоинства, а оно само распалает свои желания, и что лишь его собственный вкус придает цену вожделенному предмету и наводит на него глянec. Оно гонится не за чем-либо, а лишь за самим собой и, добиваясь того, что ему по нраву, убажует свой собственный нрав. Оно соткано из противоречий, оно властно и покорно, искренне и лицемерно, сострадательно и жестоко, робко и дерзновенно, оно питает самые разные склонности, которые зависят от самых разных страстей, попеременно толкающих его к завоеванию то славы, то богатства, то наслаждений. Свои цели оно меняет вместе с изменением нашего возраста, благоденствия, опыта, но ему неважно, сколько этих целей, одна или несколько, ибо, когда ему нужно или хочется, оно может и посвятить себя одной и отдаться поровну нескольким. Оно непостоянно и, не считая перемен, вызванных внешними обстоятельствами, то и дело рождает перемены из собственных своих глубин: оно непостоянно от непостоянства, от легкомыслия, от любви, от жажды нового, от усталости, от отвращения. Оно своенравно, поэтому порою, не зная отдыха, усердно трудится, добиваясь того, что ему не только невыгодно, но и прямо вредоносно, однако составляет предмет его желаний. Оно полно причуд и часто весь свой пыл отдает предприятиям самым пустячным, находит удовольствие в том, что безмерно скучно, бахвалится тем, что достойно презрения. Оно существует у людей любого достатка и положения, живет повсюду, питается всем и ничем, может примениться к изобилию и к лишениям, переходит даже в стан людей, с ним сражающихся, проникает в их замыслы и, что совсем уже удивительно, вместе с ними ненавидит самое себя, готовит свою гибель, добивается своего уничтожения, словом, в заботе о себе и во имя себя становится своим собственным врагом. Но не следует недоумевать, если иной раз оно объявляет себя сторонником непреклонного самоотречения и, чтобы истребить себя, храбро вступает с ним в союз: ведь погибая в одном обличий, оно воскресает в другом. Нам кажется, что оно отреклось от наслаждений, а на деле оно лишь отсрочило их или заменило другими; мы думаем, что оно побеждено, потерпело полное поражение, и вдруг обнаруживаем, что, напротив, даже сдав оружие, оно торжествует победу. Таков портрет себялюбия, чье существование исполнено непрерывных треволнений. Море с вечным приливом и отливом волн - вот точный образ себялюбия, неустанного движения его страстей и бурной смены его вожделений.

564

Сила всех наших страстей зависит от того, насколько холодна или горяча наша кровь.

565

Умеренность того, кому благоприятствует судьба, - это обычно или боязнь быть осмеянным за чванство, или страх перед потерей приобретенного.

566

Умеренность в жизни похожа на воздержанность в еде: съел бы еще, да страшно заболеть.

567

Мы любим осуждать людей за то, за что они осуждают нас.

568

Гордость, сыграв в человеческой комедии подряд все роли и словно бы устав от своих уловок и превращений, вдруг является с открытым лицом, высокомерно сорвав с себя маску: таким образом, высокомерие - это в сущности та же гордость, во всеуслышанье заявляющая о своем присутствии.

569

Тот, кто одарен в малом, противоположен свойствами характера тому, кто способен к великому.

570

Человек, понимающий, какие несчастья могли бы обрушиться на него, тем самым уже до некоторой степени счастлив.

571

Нигде не найти покоя тому, кто не нашел его в самом себе.

572

Человек никогда не бывает так несчастен, как ему кажется, или так счастлив, как ему хочется.

573

Тайное удовольствие от сознания, что люди видят, до чего мы несчастны, нередко примиряет нас с нашими несчастьями.

574

Только зная наперед свою судьбу, мы могли бы наперед поручиться за свое поведение.

575

Может ли человек с уверенностью сказать, чего он захочет в будущем, если он не способен понять, чего ему хочется сейчас.

576

Любовь для души любящего означает то же, что душа - для тела, которое она одухотворяет.

577

Не в нашей воле полюбить или разлюбить, поэтому ни любовник не вправе жаловаться на ветреность своей любовницы, ни она - на его непостоянство,

578

Любовь к справедливости рождена живейшим беспокойством, как бы кто не отнял у нас нашего достояния; оно-то и побуждает людей так заботливо оберегать интересы ближнего, так уважать их и так усердно избегать

несправедливых поступков. Этот страх принуждает их довольствоваться благами, дарованными им по праву рождения или прихоти судьбы, а не будь его, они беспрестанно совершали бы набеги на чужие владения.

579

Справедливость умеренного судьи свидетельствует лишь о его любви к своему высокому положению.

580

Люди не потому порицают несправедливость, что питают к ней отвращение, а потому, что она наносит ущерб их выгоде.

581

Перестав любить, мы радуемся, когда нам изменяют, тем самым освобождая нас от необходимости хранить верность.

582

Радость, охватывающая нас в первую минуту при виде счастья наших друзей, вызвана отнюдь не нашей природной добротой или привязанностью к ним: она просто вытекает из себялюбивой надежды на то, что и мы в свою очередь будем счастливы или хотя бы сумеем извлечь выгоду из их удачи.

583

В невзгодах наших лучших друзей мы всегда находим нечто даже приятное для себя.

584

Как мы можем требовать, что бы кто-то сохранил нашу тайну, если мы сами не можем ее сохранить?

585

Самое опасное следствие гордыни - это ослепление: оно поддерживает и укрепляет ее, мешая нам найти средства, которые облегчили бы наши горести и помогли бы исцелиться от пороков.

586

Потеряв надежду обнаружить разум у окружающих, мы уже и сами не стараемся его сохранить.

587

Никто так не торопит других, как лентяи: ублажив свою лень, они хотят казаться усердными.

588

У нас столько же оснований сетовать на людей, помогающих нам познать

себя, как у того афинского безумца жаловаться на врача, который исцелил его от ложной уверенности, что он - богач.

589

Философы и в первую очередь Сенека своими наставлениями отнюдь не уничтожили преступных людских помыслов, а лишь пустили их на постройку здания гордыни.

590

Не замечать охлаждения друзей значит мало ценить их дружбу.

591

Даже самые разумные люди разумны лишь в несущественном; в делах значительных разум обычно им изменяет.

592

Самое причудливое безрассудство бывает обычно порождением самого утонченного разума.

593

Воздержанность в еде рождена или заботой о здоровье, или неспособностью много съесть.

594

Человеческие дарования подобны деревьям: каждое обладает особыми свойствами и приносит лишь ему присущие плоды.

595

Быстрее всего мы забываем то, о чем нам приспичило говорить.

596

Когда люди уклоняются от похвал, это говорит не столько об их скромности, сколько о желании услышать более утонченную похвалу.

597

Люди порицают порок и превозносят добродетель только из своекорыстия.

598

Похвала полезна хотя бы потому, что укрепляет нас в добродетельных намерениях.

599

Красота, ум, доблесть под воздействием похвал расцветают, совершенствуются и достигают, такого блеска, которого никогда бы не достигли, если бы остались незамеченными.

600

Себялюбие наше таково, что его не перецеголяет никакой льстец.

601

Люди не задумываются над тем, что запальчивость запальчивости рознь, хотя в одном случае она, можно сказать, невинна и вполне заслуживает снисхождения, ибо рождена пылкостью характера, а в другом - весьма греховна, потому что проистекает из неистовой гордыни.

602

Величием духа отличаются не те люди, у которых меньше страстей и больше добродетелей, чем у людей обыкновенных, а лишь те, у кого поистине великие замыслы.

603

Короли чеканят людей, как монету: они назначают им цену, какую заблагорассудится, и все вынуждены принимать этих людей не по их истинной стоимости, а по назначенному курсу.

604

Даже прирожденная свирепость реже толкает на жестокие поступки, нежели себялюбие.

605

О всех наших добродетелях можно сказать то же, что некий итальянский поэт сказал о порядочных женщинах: чаще всего они просто умеют прикидываться порядочными.

606

То, что люди называют добродетелью, - обычно лишь призрак, созданный их вождениями и носящий столь высокое имя для того, чтобы он могли безнаказанно следовать своим желаниям.

607

Мы так жаждем все обратить в свою пользу, что видим добродетель в пороках, несколько схожих с ними по внешности и ловко переряженных нашим себялюбием.

608

Иные преступления столь громогласны и грандиозны, что мы оправдываем их и даже прославляем: так, обкрадыванье казны мы зовем ловкостью, а несправедливый захват чужих земель именуем завоеванием.

609

Мы сознаемся в своих недостатках только под давлением тщеславия.

610

Люди никогда не бывают ни безмерно хороши, ни безмерно плохи.

611

Человек, неспособный на большое преступление, с трудом верит, что другие вполне на него способны.

612

Пышность погребальных обрядов не столько увековечивает достоинства мертвых, сколько убожает тщеславие живых.

613

Сквозь изменчивость и шаткость, как, будто царящих в мире, проглядывает некое скрытое сцепление событий, некий извечно predetermined Провидением порядок, благодаря которому все идет как положено по заранее предначертанному пути.

614

Чтобы вступить в заговор, нужна неколебимая отвага, а чтобы стойко переносить опасности войны, хватает обыкновенного мужества.

615

Кто захотел бы определить победу по ее родословной, тот поддался бы, вероятно, искушению назвать ее, вслед за поэтами, дочерью небес, ибо на земле ее корней не отыскать. И впрямь, победа - это итог множества деяний, имеющих целью отнюдь не ее, а частную выгоду тех, кто эти деяния совершает; вот и получается, что хотя люди, из которых состоит войско, думают лишь о собственной выгоде и возвышении, тем не менее они завоевывают величайшее всеобщее благо.

616

Не может отвечать за свою храбрость человек, который никогда не подвергался опасности.

617

Людям куда легче ограничить свою благодарность, нежели свои надежды и желания.

618

Подражание всегда несносно, и подделка нам неприятна теми самыми чертами, которые пленяют в оригинале.

619

Глубина нашей скорби об утрате друзей сообразна порою не столько их достоинствам, сколько нашей нужде в этих людях, а также их высокому мнению о наших добродетелях.

620

Нелегко отличить неопределенное и равно ко всем относящееся, благорасположение от хитроумной ловкости.

621

Неизменно творить добро нашим ближним мы можем лишь в том случае, когда они полагают, что не смогут безнаказанно причинить нам зло.

622

Чаще всего вызывают неприязнь те люди, которые твердо уверены во всеобщей приязни.

623

Нам трудно поверить тому, что лежит за пределами нашего кругозора.

624

Уверенность в себе составляет основу нашей уверенности в других.

625

Порою в обществе совершаются такие перевороты, которые меняют и его судьбы, и вкусы людей.

626

Истинность - вот первооснова и суть красоты и совершенства; прекрасно и совершенно лишь то, что, обладая всем, чем должно обладать, поистине таково, каким должно быть.

627

Иной раз прекрасные творения более привлекательны, когда они несовершенно, чем когда слишком законченны.

628

Великодушие - это благородное усилие гордости, с помощью которого человек овладевает собой, тем самым овладевая и окружающим.

629

Роскошь и чрезмерная изысканность предрекают верную гибель государству, ибо свидетельствуют о том, что все частные лица пекутся лишь о собственном

благе, нисколько не заботясь о благе общественном.

630

Леность - это самая безотчетная из всех наших страстей. Хотя могущество ее неощутимо, а ущерб, наносимый ею, глубоко скрыт от наших глаз, нет страсти более пылкой и зловредной. Если мы внимательно присмотримся к ее влиянию, то убедимся, что она неизменно ухитряется завладеть всеми нашими чувствами, желаниями и наслаждениями: она - как рыба-прилипала, останавливающая огромные суда, как мертвый штиль, более опасный для важнейших наших дел, чем любые рифы и штормы. В ленивом покое душа черпает тайную усладу, ради которой мы тут же забываем о самых горячих наших упованиях и самых твердых намерениях. Наконец, чтобы дать истинное представление об этой страсти, добавим, что леность - это такой сладостный мир души, который утешает ее во всех утратах и заменяет все блага.

631

Судьба порой так искусно подбирает различные людские поступки, что из них рождаются добродетели.

632

Все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданным.

633

Какая это скучная болезнь - оберегать свое здоровье чересчур строгим режимом!

634

Легче полюбить, когда никого не любишь, чем разлюбить, уже полюбив.

635

Большинство женщин сдается не потому, что сильна их страсть, а потому, что велика их слабость. Вот почему обычно имеют такой успех предприимчивые мужчины, хотя они отнюдь не самые привлекательные.

636

Нет вернее средства разжечь в другом страсть, чем самому хранить холод.

637

Любовники берут друг с друга клятвы чистосердечно признаться в наступившем охлаждении не столько потому, что хотят немедленно узнать о нем, сколько потому, что, не слыша такого признания, они еще тверже убеждаются в неизменности взаимной любви.

638

Любовь правильнее всего сравнить с горячей: тяжесть и длительность и той, и другой нисколько не зависит от нашей воли.

639

Высшее здравомыслие наименее здравомыслящих людей состоит в умении покорно следовать разумной указке других.

640

Мы всегда побаиваемся показаться на глаза того, кого любим, после того, как нам случилось приволочнуться на стороне.

641

Должен обрести успокоение тот, у кого хватило мужества признаться в своих проступках.

КОММЕНТАРИИ

Наиболее полным является издание произведений Ларошфуко в серии "Les grands ecrivains de la France": Oeuvres de La Rochefoucauld, nouvelle edition revue sur les plus anciennes impressions et les autographes, et augmentee de morceaux inedits, des variantes, des notices, des notes, des tables ... par L.-D. Gilbert et J. Gourdault. Paris, Hachette et Cie, Les grands ecrivains de la France, 1868-1883, 3 tomes et un album. Первый том, содержащий "Автопортрет", "Максимумы" и "Рассуждения на разные темы", вышел в 1868 г., второй ("Мемуары") - в 1874 г., третий ("Корреспонденция") и четвертый (иконография) - в 1883 г. Кроме того, в 1883 г. выпущено Приложение (Appendice) к т. I. Этот труд, предпринятый Л.-Д. Жильбером и Ж. Гурдо, был первым полным научным изданием произведений Ларошфуко и послужил основанием для последующих изданий, в том числе для последнего, дополненного критического издания произведений Ларошфуко в серии "Bibliothèque de la Pleiade": Oeuvres completes de La Rochefoucauld par L. Martin-Chauffier, J. Marchand et R. Kanters. Paris, 1964.

Настоящий перевод произведений Ларошфуко сделан по изданию "Les grands ecrivains de la France", сверенному с изданием "Bibliothèque de la Pleiade". При составлении примечаний был использован комментарий к этим изданиям.

Наиболее полная библиография произведений Ларошфуко составлена Жаном Маршаком и опубликована в книге: J. Marchand. Bibliographie generale raisonnee de La Rochefoucauld. Paris, 1948.

МАКСИМУМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Первое издание "Максимум" было опубликовано в 1664 г. в Голландии и содержала 188 афоризмов. Ларошфуко расценивал его как "дурную копию". Следующая, уже одобренная автором публикация появилась в 1665 г. в Париже у Клода Барбена (Reflexions ou Sentences et Maximes morales. A Paris, chez Claude Barbin, vis-a-vis le Portail de la Sainte Chapelle, au signe de la Croix. 1665). Она состояла из 317 максимумов. При жизни Ларошфуко вышло еще четыре одобренных автором издания: в 1666 г. (302 максимумы), в 1671 г. (341 максима), в 1675 г. (413 максимум), в 1678 г. (504).

На русском языке "Максимумы" Ларошфуко впервые появились в XVIII в. и публиковались как отдельными изданиями, так и в журналах. Текст их был далеко не полным. В 1908 г. афоризмы Ларошфуко были изданы Л. Н. Толстым (Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максимумов Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье. Перевод с франц. Г. А. Русанова и Л. Н. Толстого. Изд. "Посредник", М., 1908). Наиболее полное русское издание "Максимум" вышло в 1959 г. (Максимумы и моральные размышления. Пер. Э. Линецкой. Под ред. А. А. Смирнова. Гослитиздат, М.-Л., 1959). Настоящий перевод сделан по тексту последнего авторского издания (1678), опубликованному в Сочинениях Ларошфуко в серии "Les grands ecrivains de la France".

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

1 ...письмо... - речь идет о "Размышлении по поводу "Максимум", написанном Анри де Лашапель-Бессе, суперинтендантом строений, искусств и мануфактур, и напечатанном в первом издании "Максимум" (1665).

2 Указатель - небольшой предметный указатель, очень общий, печатавшийся в прижизненных изданиях "Максимум".

МАКСИМУМЫ

1 ...нашим опасениям. - Максима имеет прямую связь с поведением Анны Австрийской, которая давала Ларошфуко большие обещания, но не сдерживала их из-за страха перед Мазарини.

2 ...неспособным к великому. - Обычно эту максиму связывают с именем Людовика XIII, но и узость эгоистических претензий друзей-фрондеров могла вызвать появление этого афоризма Ларошфуко.

3 ...философов... - имеются в виду древние философы-язычники.

4 ...уже упрочено. - В "Мемуарах" Ларошфуко говорит о герцоге де Бофоре, который, "чтобы закрепить свое возвышение, умело пользовался этим отличием...", стараясь создать впечатление, что оно уже прочно закреплено".

5 ...выгодную позицию. - Видимо, Ларошфуко вспоминал примирение заклятых врагов, которым заканчивался каждый эпизод Фронды

6 ...только издали. - В "Мемуарах" мы находим подобные рассуждения относительно Ришелье и Бофора.

7 ...обмануть нас. - Подобная мысль была изложена ранее в "Мемуарах".

8 ...ловушки хитреца. - Намек на герцога де Бофора, который "достаточно искусно достигал своих целей, идя напролом" ("Мемуары").

9 ...истинные достоинства. - Намек на герцога де Бофора, подобная мысль высказывалась и в "Мемуарах".

10 ...собственных проступков, - Эта максима, имеющая самый общий смысл, связана, по мнению французских исследователей, с казнью шевалье де Рогана (1674), возглавлявшего заговор против государства.

11 ...недостатке воли. - Намек на характер Анны Австрийской.

12 ...он родился. - Французские исследователи соотносят эту максиму либо с герцогом д'Эперноном, который не мог избавиться от гасконского акцента, либо с Мазарини.

13 ...буриме... - стихотворение на заданные рифмы.

14 ...отделаться от них. - Намек на Великого Конде, которому предпочитали доверять командование армией, чем оставлять его при дворе.

МАКСИМЫ, НАПЕЧАТАННЫЕ ПОСМЕРТНО

Эти максимумы впервые были собраны в издании "Les grands ecrivains de la France" Из четырех источников: из рукописи Ларош-Гийон, из бумаг Валлана, секретаря маркизы де Сабле, из "Дополнения" к изданию Барбена (1693) и из бумаг Сент-Эврмона.

1 ... преисподняя для женщин. - По утверждению биографа Сент-Эврмона Де Мезо, эта максима обращена к Нинон де Ланкло (1620-1705), хозяйке знаменитого вольнодумного салона.

МАКСИМЫ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ ИЗ ПЕРВЫХ ИЗДАНИЙ

В последнем прижизненном издании "Максим" (1678) Ларошфуко отказался от 79 афоризмов, опубликованных в четырех предшествующих изданиях. Они были впервые напечатаны вновь аббатом Бротье в 1789 г.

Надо думать, что причины, по которым эти максимумы не вошли в издание 1678 г, достаточно многообразны. Можно предполагать, что автор, стремясь к краткости и ясности своего произведения, избегал повторений, поэтому некоторые схожие максимумы исключены или объединены в одну; Ларошфуко отказывается от афоризмов, которые прямо или косвенно соотносились с высказываниями других авторов; наконец, он избегает максимумов (603, 608, 629), которые слишком прямо намекали на какое-либо лицо или историческое событие (подробнее об этом см.: М. В. Рааумовская. Из истории "Максим" Ларошфуко. В сб.: Вопросы творческой истории литературного произведения. Л., 1964, стр. 81, 89-92).

М. В. Рааумовская

Популярность: 61, Last-modified: Tue, 13 Jan 2004 09:41:32 GMT